

ШКОЛА
И ВОСПИТАНИЕ

СТИЛИ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ИЗ XX В XXI ВЕК

Елена Омельченко,
директор Научно-исследовательского центра «Регион», Ульяновский госуниверситет, доктор социологических наук

Вряд ли можно переоценить значение молодости в жизни каждого человека. Молодости завидуют, она вызывает ностальгию, эта загадочная пора связана с лучшими воспоминаниями. Для самой молодёжи – это время бурных переживаний, выяснения отношений с собой, семьёй, школой, обществом; время осознания новых ценностей и идей. Взрослые поколения во все времена испытывали к молодёжи чувство страха/тревоги: новое поколение – это знак перемен, это всегда «другие», которые несут в себе потенцию изменения существующего порядка вещей. Особенно заметно это в ситуации перелома, смены социально-экономических векторов и сопутствующих им ценностно-нормативных ориентиров, как, например, в сегодняшней России. Тревога и страх, с одной стороны, зависть и восхищение – с другой: эти полюса не случайны, это то культурное пространство, в котором конструируются понятия молодость/молодёжь.

Что нового в «новом» поколении?

К молодёжи (как социальной группе) и молодости (например, своей собственной) можно относиться по-разному. Различия в восприятии молодёжи на бытовом уровне созвучны разным направлениям в исследовании молодёжи. На протяжении «века подростков и молодёжи», как назвала XX век — период пристального внимания учёных и политиков к молодёжному вопросу — английская исследовательница Кристин Гриффин, ключевой фокус во взглядах менялся несколько раз: от молодёжи как проблемы — до молодёжи как надежды всего общества. Сегодня всё более значимым становится символическое измерение молодости. Она культивируется в потребительской культуре и рекламе как загадочная пора, полная преимуществ, молодость продлевается и во взрослость, и в детство. То, что принадлежит молодости, символизируется,

становится значимым аспектом всякой культуры, всякой личной биографии. Приобретение этих символов, прямое или опосредованное, означает для современного человека много больше простого приобретения чего-то. Этот ход часто эксплуатируется в рекламе. «Мы продаём не просто косметику — мы продаём надежду».

Вокруг молодёжи как социальной группы не прекращаются споры. Актуальность дискуссий очевидна. За нынешней молодёжью — будущая власть, ценности, культура. Одни молодёжные группы демонстрируют инновационность, другие — традиционность, подчас большую, чем их родители. И те и другие группы вызывают у родителей и социальных наставников опасения, часто переходящие в панику: «Что ждёт в будущем нас и наше общество, когда нынешняя молодёжь такова?»

Сегодня, как и всегда, сосуществуют несколько научных дискурсов «молодёжи». Часть из них — результат государственного контроля, часть — модели репрезентации молодёжи в современных медиапроектах, часть — собственные представления молодёжи о себе, отражённые в результатах социологических исследований. Наиболее заметный след в истории взаимоотношений государства и молодёжи оставили: *проблематизация* — акцент на «девиантном» характере новых молодёжных практик, *идеализация* — инвестиции в развитие «прогрессивных» молодёжных трендов, *романтизация* — художественное представление молодёжи как образа «надежды, весны и пробуждения», *эксплуатация* — использование символов молодёжного потребления в качестве упаковки коммерческих предложений (в экономике — реклама, политике — молодёжный электорат, в массовой и популярной культуре — шоу-бизнес).

Современная российская молодёжь стала одним из самых активных и властных социальных субъектов. От её экономического, политического и культурного

выбора во многом зависит развитие общества. Однако многие из реальных проблем молодёжных практик остаются вне академического и исследовательского интереса. Отдельные проявления современной молодёжной жизни попадают в сферу государственной заботы в ситуации явной угрозы общественной стабильности.

«Взрослые» дискурсы остаются противоречивыми даже в ситуации бесспорной опасности, например, роста молодёжной наркотизации. До сих пор в обществе не найдено согласия относительно причин, путей и методов реагирования на эту социальную болезнь.

Научный подход к молодёжи также переживает кризис. Он связан с упрощённым взглядом на молодёжь как исключительно демографическую группу, границы которой определяются возрастом, без внимания к важнейшим социокультурным измерениям реалий молодёжной жизни в современном обществе.

Отечественная социальная наука, вырвавшись из рамок двух противоположных подходов: *идеализации* молодёжи в советский период и её *проблематизации* в постперестроечную эпоху, находится в поиске идей, подходящих для описания новых практик, характерных для современной российской молодёжи, не имеющих аналогов в прошлых поколениях.

Изменились условия социализации молодёжи. Ждут своего анализа такие проблемы, как молодёжная безработица, социальное расслоение, усложнение стартовых условий вхождения в жизнь, социально-культурные ресурсы и разная их доступность для молодёжных групп — качественное образование, культурная инфраструктура, информационные технологии.

Новые молодёжные практики связаны с увеличением риска во всех сферах жизни. Ситуации риска стимулируют развитие *индивидуализма* как основной стратегии достижения успеха. Растёт значимость такого социального ресурса, как стиль жизни, при этом снижается вес унаследованного от родителей социального

и культурного капитала. Меняются представления о безопасности: защита личного пространства во многих случаях оказывается значимее защиты государственных интересов. Глобальные процессы трансформации российского общества усугубляют социальное неравенство. Разнообразие возможностей для самореализации и разное качество жизненных шансов ведут к *множественности различий*, особенно заметных в сфере труда и потребления. Эти различия связаны не только с имущественным и социальным расслоением, но и со стилевыми предпочтениями, что особенно ярко проявляется в культурных практиках. Меняется смысл труда: не так важно, кто, как и сколько работает, как то, в какой отрасли и фирме, в каком территориально-географическом пространстве. Стихийно, аморфно и неопределённо развивающаяся социальная структура не только углубляет социальное неравенство и способствует маргинализации значительной части общественных групп, но и усложняет социальную маркировку, с помощью которой можно отнести индивидов к той или другой имущественной и статусной страте.

Будучи не связанной «социальными обязательствами», современная молодёжь оказывается более приспособленной к сегодняшней жизни. И если для их родителей богатый жизненный опыт был дорогим социальным капиталом, то в условиях трансформации одним из значимых ресурсов техник *выживания* становятся способность и готовность к отказу или быстрому переосмыслению ценностей любой степени «вечности». Благодаря этим качествам молодёжь легче адаптируется к меняющимся условиям жизни, быстрее осваивает рыночные практики и индивидуальные техники выживания, адекватнее реагирует на новые потребительские предложения, легче включается в информационные сети, овладевает их технологиями. Молодёжь из «продвинутых»¹ (новаторских) стилевых групп оказывается более мобильной. Индивидуализм означает степень свободы от груп-

повых обязательств — дружеских, семейных, соседских, коллективистских; индивид сам определяет действия и несёт личную ответственность за поступки, успехи и неудачи.

Не стоит впадать в крайность и идеализировать новое поколение, по умолчанию считая всех молодых одинаково адекватными новым условиям жизни. *Постоянство неопределённости* формирует, с одной стороны, завышенные притязания, с другой — ограниченность возможностей. Кроме *продвинутых*, развиваются и укореняются другие практики существования с риском: иждивенчество, социальный цинизм, инфантилизм, полукриминальная и криминальная активность, вещественные злоупотребления (алкоголизация, наркотизация).

Подвержены изменению и современные *культурные молодёжные ценности*. В массовых продуктах, рассчитанных на молодёжные аудитории, смешиваются стили, жанры, эпохи. Медиатексты обращаются к молодёжным группам на разных культурных языках, формируя подчас диаметрально противоположные культурные иерархии. Массовая культура, эстетика множественности, популярное чтение рассчитаны на невзыскательные вкусы. В молодёжной среде это находит выражение в большей поляризации, с одной стороны, и смешении — с другой, различных клубных сцен, которые пытаются балансировать между андеграундом и попсой, чтобы сохранять и поддерживать аудитории своих приверженцев.

Не менее важна для понимания современной молодёжи тенденция, связанная с развитием шопинг-культуры. Товары приобретают не только утилитарное, но и символическое значение, походы в магазины становятся активностью, напрямую не зависимой от реальных потребностей. Шопинг-центры, мегамагазины, отвоёвывающие городские пространства в российских мегаполисах, становятся своего рода «народными университетами», помогающими молодёжи формировать вкус, стиль, пристрастия.

1

Продвинутая молодёжь (понятие используется и в молодёжном сленге) — это те, кто максимально включены в новомодные стилевые и культурные тенденции, открыты новому опыту, склонны к инновациям и риску и т.д.

Молодёжь и современная российская политика

Вопрос о взаимоотношении российской молодёжи и политики(ов) можно сформулировать по-разному: какими факторами обусловлена так называемая *молодёжная аполитичность*? Как найти действенные способы *мобилизации* (или консервации) *молодёжного потенциала* (экономического, культурного, политического)? Каковы механизмы сдерживания *молодёжной агрессивности*? В этих формулировках, лишь по видимости противоречащих друг другу, выражен главный интерес политиков: преодолеть пассивность, мобилизовать энергию, сдержать откровенную агрессию и экстремизм. От правильных ответов и соответствующих решений зависит жизнеспособность политических сил и будущее их лидеров.

Для молодёжи вопрос об отношении к политике(ам) либо не актуален, либо формулируется иначе. Политическая идентичность — не самый важный момент взросления. Нужно отличать «молодёжную проблему», как она формулируется политической элитой (механизмы контроля, управления и мобилизации), от того, какие проблемы ежедневно решает сама молодёжь.

Отношение молодёжи к политической жизни включено в более широкий контекст её отношения к власти. К власти «взрослых» — тех, кто имеет право «говорить», обладает необходимыми ресурсами придания мнению значения *истины*, владеет механизмами его практического продвижения.

Сегодня трудно говорить о ясной стратегии «молодёжной политики», разделяемой её лидерами и актёрами. Озабоченность молодёжным вопросом активно декларируется на самом высоком уровне в качестве первоочередной задачи, однако официальные высказывания отличаются абстрактностью с трудно различимым смыслом. Следует критически осмыслить привычные и устоявшиеся взгляды на молодёжную активность, которые по большей части суть наследие советской идеологии, построенной на идее долженствования молодёжи перед обществом и ответственности за будущее.

Мы наблюдаем растущий интерес к молодёжной проблеме, напрямую связанный с особым периодом современной российской истории. Противостояние бывших «братьев» по Союзу, угрозы цветных революций, популярность ксенофобных, экстремистско-националистических настроений в молодёжной среде, стихийные поиски объединяющей национальной идеи — всё это побуждает политиков и учёных переключить внимание с политической элиты на определение ресурсов, направленности и прогноз молодёжной активности.

Вне внимания остаётся ценностный сдвиг, происшедший в сознании молодёжи, впрочем, как и всего населения. Приоритет духовных ценностей сменился приоритетом материального благополучия и социальной состоятельности. Для продвинутой молодёжи образец успеха — это: **деньги — качественное обра-**

зование — власть/статус. А для сельской молодёжи самое важное — уехать из села, их образец успеха: **город — рабочее место — деньги.** Эти стратегии поддерживаются рыночными практиками индивидуальной конкуренции, ростом значимости личных усилий и собственно (не обязательно наследуемого) человеческого капитала, образами успеха, продвигаемыми СМИ («если ты умный, то почему не богатый (красивый, здоровый, сексуальный)?»). Наши исследования свидетельствуют, что достижение успеха среди «своих» становится более значимым, чем непонятное движение к отчуждённым образцам «правильной» социальности. В современном обществе «активность» ассоциируется молодёжью с возможностью индивидуальной самореализации, самопрезентации, одобрение группы сверстников более значимо, чем одобрение некоего «общества», поскольку группа реагирует и оценивает именно индивидуальные усилия и достижения. Пассивность, в данном контексте — политическая апатия, вовсе не обязательно имеет негативно-порицательный оттенок. Напротив, для части молодёжных субкультур неучастие в официальной политике является знаковым.

Коренные общественные изменения актуализировали проблемы, с которыми столкнулось всё население России: необходимость постоянной адаптации к происходящим изменениям, преодоление старых и новых барьеров, препятствующих включению в меняющиеся общественные структуры, развитие навыков сосуществования с рисками повседневности (бедность, болезнь, агрессия). Анализ результатов исследования, посвящённого рынку труда молодых специалистов, свидетельствует, что среди молодёжных техник адаптации выделились *достижительские*, направленные на преодоление имеющегося (наследованного) статуса, и *недостижительские*, ориентированные на стабилизацию, сохранение уже имеющегося потенциала (собственного и семьи). Первые значимо отличались от

советских образцов, вторые — направлены прежде всего на выживание. Для достигательских стратегий значимыми оказались такие техники: индивидуализм (на смену коллективизму); сверхмобильность и риск (на смену стабильности); стремление к получению разнообразного трудового опыта (на смену стажа на одном рабочем месте); престиж работы в негосударственных, коммерческих и общественных структурах (на смену государственным гарантиям бюджетной сферы); рыночный карьеризм (на смену партийно-бюрократическому). Отчётливо проявилось доминирование материальных ценностей над идеологическими. Оно выразилось посредством таких маркеров социального успеха, как *профессиональный статус, качественное образование и материальное благополучие*, где деньги — прямой эквивалент свободы и независимости, а *индивидуальная стилистика* заменяет значимость коллективного мнения.

Культурные самоопределения молодёжи имеют особое значение для понимания современной политической ситуации. Активное участие молодёжи в прокатившихся по бывшим республикам СССР революциях во многом определило их накал и результаты. Особое внимание к молодёжному вопросу со стороны государственной власти в очередной раз обнаружилось вместе с угрозой «потери» молодого поколения, выхода его из-под контроля.

Молодёжная жизнь — это не отдельный остров со своими законами и правилами, она включена в социальный контекст общества. Вопрос активной или пассивной позиции молодых поколений в разные исторические эпохи имел разный смысл. Активность, как и пассивность, может расшифровываться в социально полезном и социально опасном смысле. Контекст социально одобряемой пользы всегда конструировался в рамках господствующей идеологии, в зависимости от того, как в конкретном обществе и его политическом режиме формулиру-

ется понимание общественных ценностей и гражданского благополучия.

Понятие молодёжи в контексте современности

«Молодёжь» неизбежно ассоциируется с тем новым, что возникает в любой культуре. Однако, кроме ожиданий обновления, есть и ощущение опасности для общества. Среди «страшных» диагнозов современности, в которых «винювата» молодёжь, — беспорядочное потребление, «культурно-телесное» экспериментирование, увлечение насилием и жестокостью (кино и видео), игромания, рост молодёжной преступности, криминализация и «опошление» языка культуры на фоне общего разложения морали и нравственности.

Трагические «прогнозы» приходят в явное противоречие с представлениями о молодости как обещании лучшей жизни, вере в прогресс и надежде на преодоление кризисов современности.

Многие учёные называют молодёжь наиболее продуктивной социальной группой, способной «посеять» нечто новое и воспринять то, чего ранее не существовало. Разность молодёжи проявляется не только в росте негативных привычек и пристрастий. Масса свидетелей тому, что у части молодёжи наблюдается значительный рост интернальности, то есть готовности отвечать за себя. Наиболее продвинутая молодёжь легче адаптируется к новым условиям, готова наращивать свой социальный ресурс путём увеличения образовательного и культурного капитала, стремится получать разнообразный опыт. Эти люди открыты усвоению новой трудовой этики, принятию либеральных ценностей, склонны верить в будущее и в свои способности влиять на него.

Наряду с «новаторами» есть и консервативные группы, продолжающие хранить рутинные привычки и обычаи. Кто-то стремится вернуться не только к родительским, но и к «дородительским»,

патриархальным, религиозным ценностям. Часть современных молодых становятся конформистами, другие обращаются к идеям фундаменталистов, примыкают к тоталитарным сектам, некоторые включаются в радикально-левые, другие — в расистские и профашистские движения.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ — НОВЫЕ СТИЛИ ЖИЗНИ

Обратимся к материалам исследования трудовых стратегий и стилей жизни молодых специалистов, выпускников университетов и техникумов, интервью с которыми проводились в течение двух лет после окончания обучения².

Стиль жизни — это способ, которым живёт индивид или группа, это ценностный стержень, который направляет индивида на цель, определяет пути достижения успеха с точки зрения их приемлемости или неприемлемости в контексте его ценностного мира, помогает корректировать и «проверять» жизненно важные решения. Анализ полученных материалов позволил выделить две принципиально различные стилевые стратегии: активную и пассивную. Для первой характерны такие особенности:

1. Открытость экспериментам, инновациям и изменениям.

2. Принятие и одобрение плюрализма мнений. Молодёжь этих стилевых групп не считает, как их родители, что общественное мнение должно формироваться сверху, не боятся, что взгляды других способны изменить их собственные.

3. Индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам.

4. Большая ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое.

5. Переход от внешнего (формального) к внутреннему контролю над своей жизнью и поступками, что проявляется в большем расчёте на собственные силы и способности и меньшей надежде на помощь родителей или государства.

6. Готовность к мобильности — географической, социальной, культурной.

7. Растущее чувство возможности справедливого распределения, веры в то, что вознаграждение не зависит от случая, а соответствует мастерству и вкладу. Это стимулирует накопление личного опыта: профессионального, коммуникационного, психологического.

8. Высокая ценность формального образования и обучения.

9. Уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью, толерантность к «исключённым» группам.

ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

В определённых исторических обстоятельствах образовательный статус может обеспечивать больший доступ к ресурсам, чем власть и собственность. Уровень и качество формального образования становится специфическим видом престижного потребления, способствующего самоизоляции консоциальных групп и сдерживающего социальную мобильность.

Первым статусным и стилевым «разделителем» становится высшее или среднее профессиональное образование. Оно сказывается на разности шансов в получении конкретных привилегий на рынке труда. Диплом о высшем образовании становится ценностью сам по себе, практически не соотносясь с качеством образования. С одной стороны, высшее образование всё более доступно благодаря различным формам платного обучения. С другой — всё менее доступно бесплатное, престижное и действительно качественное образование, соответствующее призванию выпускника и конкурентоспособное на рынке труда. Все эти барьеры вносят новые измерения в понятие «высшее и среднее образование», его доступность, влияют на уязвимость тех или иных социальных групп. Это разделение не является чем-то окончательным. Многие выпускники школ поступают в техникумы

лишь «по необходимости», не имея возможности поступить в вуз по семейным (материальные и сетевые ресурсы) или личным причинам (недостаток знаний или способностей) и рассматривают это образование как ступень к получению высшего. Следующим важным «разделителем» становится *готовность и способность индивида реализовать свой образовательный потенциал*.

К активным формам трудоустройства относится самостоятельный поиск, к пассивным — использование родственных и других связей.

Стилевые особенности тех, кто использует активную стратегию трудоустройства, различны. Вот тактики, наиболее характерные для «продвинутых» выпускников:

- Частичный или полный *отказ от использования личных связей* как способа трудоустройства, *поиск «запасных аэродромов»* как *возможность повышения статуса (восходящая мобильность)*. Девушки и юноши, которых можно отнести к новаторам, несмотря на то что имеющаяся работа их устраивает, стараются искать ещё что-то «про запас».

- Использование различных баз данных *по трудоустройству через Интернет*, стремление к приобретению *конкретного опыта* — исполнительского или управленческого, всего, что может придать дополнительный «вес» послужному списку (резюме). «Продвинутые» молодые заметно отличаются от родителей, для которых в советское время частая перемена работы ухудшала деловую репутацию.

- Развитие навыков *самопрезентации*. Молодые женщины и мужчины из этой группы демонстрировали спокойное отношение к беседе при найме *на работу* и не беспокоились по поводу *испытательного срока*.

- Принятие *ненормированного рабочего дня*. Кроме того, внеурочная работа, по мнению представителей этой группы, не обязательно должна дополнительно оплачиваться (до определённого времени).

Существует ли конфликт трудовых ценностей у современных «отцов и детей»?

Молодое поколение, не отягощённое прошлым опытом, более приспособлено к социальным изменениям. Открытость и гибкость сознания помогает быстро освоиться с преимуществами новой экономической ситуации. Однако когда мы приближаемся к стилевым нюансам, становится понятно, что эффективная реализация этих преимуществ даётся далеко не всем.

Молодых специалистов наряду с возможностью энергичного включения в конкурентные отношения отличают *зависимость, неопытность и бесправие* — качества, которые мешают эффективному использованию образовательного потенциала. *Зависимость от родительской семьи* остаётся после получения высшего образования и поступления на работу.

Можно говорить о *трудоём «бесправии»* молодых специалистов, которое вызывает различные реакции у «активных» и «пассивных» групп молодёжи. Для первых характерны такие стратегии, как «вынужденное терпение с целью взять всё самое нужное», «рациональный расчёт, чтобы завоевать позиции», «скрытое» и даже «открытое сопротивление». Пассивные же, как правило, принимают выжидательную стратегию или используют знакомства для изменения ситуации.

Юноши и девушки сосредоточивают внимание на *индивидуально-особом «приспособлении»* к правилам игры в обществе риска, одним из способов которой становится *рутинизация управления риском*.

К состоянию риска можно привыкнуть. Вырабатываются новые защитные реакции: цинизм, «пофигизм», «какбызм», имитирующие сопротивление или, наоборот, принятие *постоянной неопределённости*.

Как пережить череду неудач и преодолеть нерешительность перед новым «испытанием»? Кто может гарантировать сегодня, что получаемое образование действительно чего-то стоит и что соответствующая ему работа действительно будет получена? Стоит ли стремиться к созданию семьи, если все вокруг говорят о том, что это большой риск? В подобной ситуации выигрыш в лотерее становится столь же реальным выходом из неопределённости, как и отчаянная борьба за успех в жизни. Не случайна поэтому популярность телевизионных игр, предлагающих лёгкий путь к обогащению и известности. В основе идеологии таких игр — жёсткий и последовательный индивидуализм. Даже в команде каждый игрок заботится только о себе и своей личной выгоде.

В ситуации нестабильности вопрос «кто Я?» оказывается для современной российской молодёжи центральным. С одной стороны, упрощается социальная идентификация путём соотнесения себя с повседневными группами: семьёй, своей компанией, тусовкой. С другой — размытость социально-нормативного пространства подталкивает к новым формам возрастных солидарностей — стилевых, символических и виртуальных.

Молодое российское поколение очень неоднородно. Трудно выделить некую группу, ценности и практики которой можно было бы назвать доминирующими. Дифференциации проходят по разным, часто не пересекающимся векторам. Помимо классических оснований (место в социальной структуре), всё более значимыми становятся новые: уровень и качество полученного образования, практикуемые легальные и нелегальные стратегии «выживания» на рынке труда, гендерные различия и стилевые профили, в которых выражаются доступность и характер использования культурных ресурсов, доминирующие потребительские практики, характер освоения современной культуры, включение в реальные или виртуальные сообщества, локально-территориальные особенности жизнедеятельности.

С некоторым огрублением можно сказать, что в среде молодёжи есть несколько типологических групп. По характеру реагирования на постоянство неопределённости в обществе риска можно выделить «авангардистов» и «консерваторов».

«Авангардисты» так же неоднородны, их можно разделить на две полярные группы. Одну составляет молодёжь, условно говоря, прозападного стиля жизни — «*продвинутые новаторы*». Они упорно овладевают знаниями и навыками, необходимыми в конкурентном обществе; это те, кто настроен на обогащение своего социального ресурса или капитала, каковой они смогут вложить в обеспечение своего будущего. Противоположная группа — те, кого условно можно назвать «*пофигистами*» (или «нормализующими риски»). Это те, кто занимает выжидательную позицию, однако тактики их приспособления к новым реалиям оказываются эффективными. Они, подобно новаторам, склонны к мобильности и изменениям, однако в отличие от первых в большей степени погружены в «сегодня» и мало заботятся о своём будущем. «*Консерваторы*» — это те, кто продолжает хранить патриархальные привычки и обычаи. Самое важное для них — привычные (стереотипные) доказательства социальной, духовной, нравственной и психологической стабильности. Не случайно многие из них ориентированы на государственную службу, семью и нормативную нравственность. Часть из них обращается к считающимся народными ценностям и религии.

Другую типологию можно построить на основании политических (идеологических) идей. Возрождаются пионерские и комсо-

мольские отряды и организации, есть и молодые коммунисты, и столь же радикальные профашистские группировки. Активно формируется ещё одна категория — подрастающий резерв бандитских и прочих криминальных группировок.

Можно выделить различные типы на основании приверженности тем или другим культурным молодёжным сценам: от неформалов-субкультурщиков — до попсы и гопников.

Жизненные стратегии и стилевые практики этих групп существенно разнятся. Главный вопрос: какая из типологических групп молодёжи будет лидировать в следующем жизненном цикле, когда сегодняшние молодые станут родителями нового молодого поколения, преподавателями и топ-менеджерами, политиками и наёмными работниками.

Сегодняшнее поколение молодых в целом в сопоставлении их с поколением родителей будет в зрелом возрасте более самостоятельным и ответственным за собственные действия и более конкурентоспособным на рынке труда. Взросление современной российской молодёжи «разворачивается» не в вакууме, а внутри зрелого, взрослого большинства. Без специальных усилий общества и государства вряд ли можно с точностью предсказать исключительно светлое будущее России. Оно определяется не только собственными усилиями растущей когорты, но и тем, каким стилевым группам государство отдаст предпочтение, помогая, поддерживая, наставляя, а каким будет противостоять некое общественное согласие, мешающее развитию и распространению негативных ростков и тенденций. **НО**